

Рождественская музыкальная авантюра: группа «АукцЫон» популяризирует старинную музыку.

Фото Артема Житенева (НГ-фото)

В Рождество все немного волхвы

В Зале Чайковского Татьяна Гринденко побраталась с Леонидом Федоровым *независимая - 2004-18 янв. - с. 6*

Григорий Заславский

Гринденко чем знаменита? Тем, что руководит музыкальным коллективом, который в зависимости от обстоятельств зовется то Академией старинной музыки, то ансамблем «Opus Posth». Что сама играет на скрипке и, судя по манере игры, относится к тем музыкальным лидерам, которые и в музыке, и во всем остальном не терпят возражений. Что в современной музыке отдает предпочтение сочинениям своего мужа Владимира Мартынова (и в этом смысле повезло им обоим: ему, который нашел в жене верного единомышленника, и ей, которая нашла своего автора). И еще тем, что она в своем увлечении старым и новым не знает преград, а значит, способна на любые авантюры.

Одна из таких авантур случилась сразу же после православного Рождества в присутствии почти тысячи свидетелей в Концертном зале имени Чайковского: по традиции в этот вечер выступала Академия старинной музыки (и ансамбль «Опус Пост»), но в это раз выступить с собой на пару Татьяна Гринденко пригласила ансамбль «АукцЫон», который — отдаем дань миссионерской активности популяризаторов старинной музыки! — согласился поучаствовать в исполнении Вивальди, Преториуса и Пёрселла. В ответ музыканты, изрядно поднатворившие во всякого рода аутентичных забавах, саккомпанировали «АукцЫоновым» песням и лично Леониду Федорову, который спел среди прочего знаменитую «Зимы не будет», и Гаркуше, который продекламировал не менее знамени-

тые свои частушки. Рождественский концерт так и назывался: «Зимы не будет».

Первое отделение, хоть и начавшееся с почти получасовым опозданием, скоро разгорячило публику, так что даже серьезная рождественская музыка эпохи Просвещения и более поздних времен принималась на ура, будто и они вышли из шинели ленинградского рок-клуба.

Было от чего словить кайф: на сцену Концертного зала Чайковского, куда, например, Андрей Андреевич Вознесенский каждый раз поднимается с новым стихотворным посвя-

Энергетические затраты рокеров были заметнее: когда две или три песни спустя Федоров освободился от камзола, белая рубашка его с широкими старинными манжетами уже прилипла к спине.

Сценографом концерта был назван знаменитый Теодор Тэжик. Вероятно, ему принадлежала идея натянуть от сцены до самого герба Советского Союза под потолком шесть или семь прозрачных сверкающих лент.

Антракт наступил на удивление скоро, хотя первое отделение длилось больше часа. В

лось как невиданный революционный прорыв, оппозиционный не только рутине тогдашнего Союза композиторов, но и всему советскому строю. Это о его бессмысленности играл солист-пианист бесконечные две-три ноты, которые складываются то в секунду, то в терцию, то в кварту; исполняемые правой рукой при почти безучастной и «отдыхающей» левой.

Разгоряченная публика этой классики отечественного нонконформизма не приняла. Она жаждала «нонконформизма», но иного. Кто-то начал хлопать, кто-то даже свистнул раз или два. Музыкантов это, правда, не сконфузило, и сочинение, которое кто-то из апологетически настроенных критиков сравнил с равельским «Болеро», доиграли до победного конца (когда к исполнению подключилась Татьяна Гринденко и ударные, стало действительно веселее). В этом самом конце композитор, Владимир Мартынов, ныне — классик, увенчанный седой бородой, прошел через весь зал по центральному проходу, поднялся на сцену, взял с пюпитра тот самый листок из партитурного альбома и разорвал у себя над головой. Последние такты прозвучали уже в отсутствие этого самого листка и композитора, который с гордо поднятой головой ушел за воображаемые кулисы.

Аплодисменты были продолжительными, искренними, публика явно рассчитывала на бисы, но музыканты кланялись холодно и не простили оскорбления. И согласились сыграть что-нибудь еще в другой раз. Если зрители будут вести себя хорошо.

Публика не приняла классики отечественного нонконформизма, она жаждала нового

щением, музыканты Гринденко вышли все в черном, а рокеры — торжественного случая ради! — в золотом шитых камзолах.

Играли безо всяких пауз, чередуя старинные гимны в честь новорожденного Иисуса с песнями Федорова и Гаркуши (который, единственный, был не в камзоле, но и не в черном, а в подобии «домино» Арлекина).

Играли вместе, хотя в том, как включались в игру друг друга те и другие, было что-то, что роднило этот концерт с джем-сейшном, где на сцене, случается, сходятся малознакомые или вовсе не знакомые музыканты. А музыка тем не менее удается.

антракте завсегда таи концертного зала потянулись в гардероб в то время, как с улицы и, в частности, из Большого зала консерватории, где в этот вечер выступал Башмет с квинтетом имени Бородина, подтянулась светская публика, пришедшая подивиться невиданной «игрушке». Первые зря ушли, вторые же наверняка так и не получили ожидаемого удовольствия: дело в том, что на «второе» Татьяна Гринденко припасла давнишнее сочинение Владимира Мартынова под названием «Листок из альбома». Долгое фортепьянное «вступление» в эпоху сочинения наверняка воспринима-